

ЛЯЛЯ ПРАХ

УРОК
ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П70

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление обложки – Виктория Давлетбаева

Прах, Ляля.

П70 Урок предательства: [повести] / Ляля Прах. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 288 с. — (Легенда русского интернета).

ISBN 978-5-17-185129-3

Две повести. Два пронзительных рассказа о женских судьбах.

«Урок предательства». Что тяжелее — вынести предательство или понять, что ты — сам себе главный предатель? Серж сбежал от быта в яркий мир на экране телефона, думая, что меняет жизнь. Линда осталась в аду «одиначества вдвоем», думая, что спасает семью. Оба были слепы. Оба — в ловушке. Но чтобы вырваться на свободу, одному придется разучиться жить лишь чувствами, а другой — научиться самому страшному и освобождающему чувству: благодарности за предательство. Это история о том, как на обломках брака можно найти единственное, что стоит спасать: себя.

«Копии не имеют ценности». Он коллекционировал редкое. Она была единственным экземпляром. Они думали, что играют. Они ошибались. И никто из них двоих не подозревал, что в игру уже незримо вступила третья...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185129-3

© Прах Л., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Урок
предательства

Я чувствую себя в гигантской ловушке, из которой нет выхода. Каждый день я просыпаюсь от ощущения тяжелой каменной плиты на груди. Это чувство безнадежности. Я чувствую себя абсолютно одинокой. Рядом есть муж, но я не чувствую его поддержки, его плеча. Я чувствую, что несу этот груз одна: и детей, и болезни, и страх перед будущим. Мне не с кем разделить свою тревогу, не к кому обратиться за утешением. Я чувствую себя матерью-одиночкой с тремя детьми, у которой на попечении еще и четвертый, взрослый ребенок.

Я испытываю ярость и обиду. Я злюсь на мужа за его медлительность, когда наша жизнь требует решительных действий. Я злюсь на его ворчание, когда мне самой хочется кричать от отчаяния. Я чувствую, что во мне кипит гнев из-за того, что все заботы о выживании семьи лежат на мне, а он просто плывет по течению. Я злюсь, что мне приходится постоянно быть сильной, когда я так истощена.

Мне безумно страшно. Я боюсь завтрашнего дня. Я боюсь, что нам не на что будет купить еду, что мы

Ляля Трах,.....

останемся на улице. Я боюсь за свое здоровье — эта слабость, эти болезни отнимают последние силы, которые мне нужны, чтобы заботиться о малыше. Я смотрю на своих детей и чувствую леденящий ужас от того, что не могу дать им стабильность и уверенность.

Я чувствую глубокое, всепоглощающее истощение. Я устала физически. Но еще больше я устала морально. Я устала бороться, устала принимать решения, устала быть тем единственным «взрослым» в наших отношениях. Иногда у меня просто нет сил даже чувствовать что-либо. Я чувствую себя использованной и неценной. Мои потребности, мое здоровье, мое желание быть защищенной и желанной — все это похоронено под горой бытовых проблем и его равнодушия. У меня возникает чувство, что я просто функциональный объект: мать, кормилица, решатель проблем. А где же я сама? Та женщина, которая когда-то была молода, полна надежд и веры в любовь?

И больше всего я чувствую горькое разочарование. Разочарование в том, как сложилась моя жизнь. В сорок один год я должна чувствовать себя на пике сил, а я чувствую, что все потеряла. Я смотрю в зеркало и не узнаю себя. Я вижу уставшую, больную женщину, которая потеряла свою молодость и последний шанс на счастье в тени человека, который не способен стать ей опорой.

Я чувствую себя обманутым. Я женился на успешной, веселой женщине, у которой была своя жизнь, квартира, а теперь от всего этого ничего не осталось.

Я чувствую, что меня втянули в ситуацию, с которой я не справляюсь и за которую теперь несу единоличную ответственность. Я чувствую колоссальное давление. Вся тяжесть заработка лежит на мне одном.

Три ребенка, жена, которая постоянно болеет и устала... Я не герой, я не хочу всего этого. Мне кажется, что на мне висит гиря, которая тянет меня на дно. Я не знаю, как всем этим управлять, и от этого просто хочется сбежать.

Я чувствую себя в ловушке. Этот брак — не то, что я хотел. Я мечтал о партнерстве, о легкой жизни, а получил больную жену, вечные проблемы и никакой благодарности. Я чувствую, что связан по рукам и ногам этими обязательствами, и единственное, что у меня осталось, — это мой телефон, где я могу ненадолго забыться.

Я испытываю отвращение и разочарование. Меня не возбуждает ее тело, оно теперь совсем другое. Она говорит, что я неэмпатичный, но я просто не могу заставить себя хотеть того, чего не хочу. Мне противно, что наша сексуальная жизнь умерла, и я нахожу выход там, где могу, — в порно, где женщины выглядят так, как должны выглядеть, по моему мнению. Я злюсь, что меня лишили и этого.

Я чувствую одиночество. У меня нет никого, с кем можно поговорить. Жена только ноет или требует, а я не умею и не хочу этого слушать. Мой маленький сын — единственный лучик, он не просит ни о чем, просто улыбается. Но даже его иногда слишком много. Мне проще уткнуться в экран, где все предсказуемо и под моим контролем: футбол, машины, порно. Там меня никто не трогает.

Я чувствую себя неудачником. У меня нет образования, нет профессии, я не умею зарабатывать много. Я вижу свое отражение в ее глазах — она презирает меня. И я начинаю презирать себя. Но вместо того чтобы что-то менять, я замираю. Мне проще ничего не делать, потому что любое движение кажется бессмысленным.

Я не целеустремленный, да. Потому что не вижу цели, ради которой стоит напрягаться в этой яме. В глубине души я понимаю, что я — не жертва. Я часть этой проблемы. Но признать это — значит взвалить на себя еще большую вину, которую я нести не хочу и не могу. Поэтому я просто молчу, ворчу и убегая. Это единственный способ, который я знаю, чтобы просто дышать.

Я слышу, что ты меня отпускаешь, и внутри у меня все сжимается в комок. Ты говоришь, что я могу быть свободен и счастлив. Но я не знаю, что такое счастье, и не верю, что оно существует для меня. Свобода? А что я буду с ней делать? Я остаюсь, потому что чувствую себя еще более потерянным и никому не нужным на улице. Здесь, в этом аду, у меня хотя бы есть крыша над головой (пусть и не моя) и какая-то видимость семьи. Я могу сказать знакомым: «У меня жена, дети». А один я — кто? Никто. Мужчина без образования, без амбиций, без будущего. Одиночество за стенами этого дома пугает меня гораздо больше, чем твое отчаяние внутри него.

Ты говоришь, что ты обуза. Но парадокс в том, что твоя болезнь и наша общая несчастьность — это

мое оправдание. Пока мы здесь, в этой яме, мне не нужно пытаться быть кем-то. Не нужно строить карьеру, быть сильным, добиваться успеха. Я могу быть «тормознутым» и «безответственным», и у меня для этого есть уважительная причина — тяжелая ситуация в семье. Ты — мое алиби перед всем миром и перед самим собой за собственную несостоятельность.

Да, я бросил первую семью. Потому что тогда я был моложе и думал, что смогу начать все с чистого листа, найти что-то лучше. Теперь я знаю, что чистого листа для меня нет. Куда я уйду? Кому я буду нужен? Смотреть порно с молодыми — это фантазия. А реальность — это одинокая комната в общежитии и работа, которая едва кормит. Здесь, по крайней мере, есть смысл — «терпеть ради детей». Это роль, которую я могу играть. Я не остаюсь из-за ответственности или долга. Я остаюсь из-за страха. Страх перед неизвестностью, страха окончательно признать себя полным неудачником. Мне проще быть рабом в знакомой тюрьме, чем вольным бродягой в мире, который меня отвергнет.

И да, в этом есть капля жестокости и эгоизма, которую я сам для себя не признаю. Мне проще видеть, как ты страдаешь, и быть «жертвой обстоятельств» вместе с тобой, чем взять на себя вину за твои страдания и за свой уход. Мой уход будет окончательным приговором мне самому. А так... так я могу просто сидеть в телефоне и делать вид, что это и есть жизнь.

Я чувствую, что нахожусь в сердцевине невыносимого парадокса. С одной стороны, я вижу, как наше совместное существование душит нас обоих, как ядовитый газ. Я верю, что если он уйдет, то прекратится эта пытка — пытка видеть его несчастным, знать о своем бессилии его изменить и чувствовать его молчаливое отвращение к моему телу и моей болезни.

Я чувствую себя тяжелым грузом, якорем, который тянет его на дно. И я хочу перерезать эту веревку. Я говорю ему: «Уходи». И в этот момент я искренне верю, что дарю ему свободу. Что без меня, этой больной, растолстевшей, обремененной проблемами женщины, у него появится шанс найти тот кусочек счастья, на который он еще способен. Я чувствую, что отпускаю его из жалости — и к нему, и к себе.

Но тут же на меня накатывает леденящий душу страх. Чисто практический, животный ужас. Я смотрю на своих детей и думаю: а чем я буду их кормить? На что купить хлеб, молоко, памперсы? Я останусь одна: без работы, без жилья, с тремя детьми на руках и с двумя хроническими болезнями. Эта картина кажется мне абсолютно безысходной. И тогда мое предложение ему уйти начинает казаться не благородным освобождением, а актом отчаяния и самоубийства для всей нашей семьи.

Я чувствую, что предлагаю выбрать между медленным угасанием в этом токсичном браке и стремительным падением в голодную бездну. Я понимаю, что мы с ним — два тонущих человека, которые не могут спасти друг друга, но и отпустить друг друга боятся. Он

боится одиночества и ответственности за самого себя. А я боюсь нищеты и физической невозможности выжить одной. И в этом аду я чувствую страшную, унижительную правду: мое желание его свободы и мое собственное выживание оказались по разные стороны баррикады. И я ненавижу себя за эту мысль, за эту зависимость, за эту слабость. Я хочу быть сильной, чтобы отпустить его и выстоять одной, но сейчас я не чувствую в себе этой силы. Только бесконечную усталость и леденящий страх перед завтрашним днем.

Ты сказала «уйди» снова. И обычно эти слова просто отскакивали от меня, как горох от стены. Они означали для меня лишь очередную порцию вины и подтверждение, что я в ловушке. Но сегодня... сегодня почему-то я позволил этой мысли задержаться. А что, если... правда уйти?

Я сижу с телефоном, но уже не смотрю футбол. Я считаю. Я считаю деньги от маминых комнат. Я никогда не думал о них как о своих. Они просто были... фоном. А если я одну сдам, а в другую перееду? Или обе сдам и на эти деньги сниму себе нормальную однушку? Без вечного чувства долга, без этого гнетущего воздуха отчаяния. Я думаю о своей работе. Да, я могу пахать. Я могу крутить баранку по двенадцать часов, когда знаю, что в конце меня ждет тишина и покой, а не новые проблемы и упреки. Я представляю, как откладываю деньги. Не в общий котел, в котором все бесследно тонет, а на себя. На новую куртку, которая будет куплена

просто потому, что я захочу. На поход в стейк-хаус. На билет в Сочи на море. Одному. Или... не одному.

И вот тут меня пронзает мысль, от которой у меня перехватывает дыхание. Я могу быть... желанным. Не как сейчас — последним прибежищем для больной и несчастной женщины, которая смотрит на меня с отвращением. А желанным гостем. Я могу пригласить на ужин женщину, которая улыбается, которая пахнет духами, а не лекарствами, которая смотрит на меня не как на добытчика и неудачника, а как на мужчину.

Эта мысль — как удар током. Она одновременно пугает и опьяняет. Свобода... Я всегда думал, что это пустое слово. А теперь понимаю, что это не абстракция. Это конкретные вещи. Это ключ от моей собственной квартиры. Это деньги в кармане, за которые я ни перед кем не должен отчитываться. Это тишина по вечерам. Это возможность снова почувствовать себя не рабом обстоятельств, а хозяином своей, пусть и небольшой, жизни.

Уйду ли я, когда пойму это? Страх никуда не денется. Привычка — тоже. Но впервые за многие годы появится не просто желание сбежать от кошмара, а реальный, осязаемый интерес идти к чему-то. К себе настоящему. К жизни, которую я, оказывается, еще могу себе позволить. И тогда мое решение остаться перестанет быть вынужденной жертвой и станет просто глупым и добровольным заключением. А от такой тюрьмы... Да. Такую тюрьму можно просто открыть и выйти. Потому что счастье и свобода — они и правда только в моих руках. И я, кажется, начинаю это чувствовать.

Я смотрю на него и вдруг вижу не просто «тормозного» мужа, а человека, который тоже боится. И эта мысль меня ошеломляет. Я всегда думала, что я — его жертва. Что он своей пассивностью и ворчанием губит меня. А теперь я вижу, что мы оба — жертвы этой ситуации, этого ада, который сами и создали. Он так же прикован к ней, как и я. Только его цепи — страх перед одиночеством и удобная роль «несчастливого», которая снимает с него всю ответственность. И теперь, когда я позволяю себе думать, что он может быть счастлив без меня, во мне просыпается странная, горькая смесь чувств. Я чувствую... облегчение. Призрачное, но настоящее. Если он уйдет и найдет свою свободу, то мое чувство вины наконец-то сменится чем-то другим. Может быть, даже тихой радостью за него. Значит, я не полностью уничтожила чью-то жизнь. Значит, его счастье все еще возможно. Просто не со мной.

Я чувствую колющую боль. Потому что эта мысль — ярчайший луч света, который высвечивает всю глубину моего одиночества. Он может уйти и построить новую жизнь. А я? Я остаюсь здесь. С болезнями, с детьми, с битвой за выживание, которую мне предстоит вести одной. Его потенциальное освобождение подчеркивает мою несвободу. Но я также чувствую... злость. Да, злость. Почему он не увидел этого раньше? Почему я должна быть тем, кто страдает и отпускает, а он — тем, кто уходит к стейкам, отпуску и новым свиданиям? Это несправедливо. Это ужасно несправедливо. И сквозь всю эту бурю пробивается самый важный вопрос, обращенный уже ко

Ляля Трах,.....

мне самой: если его счастье возможно только без меня... то где возможность для моего?

Я всегда верила, что мой последний шанс на счастливую жизнь потерян. Но что, если он просто здесь, в этом браке? Что, если, отпустив его, я не просто дарую свободу ему, а начинаю откапывать ее для себя? Пусть не сразу. Пусть через боль, нищету и страх. Но я останусь на развалинах этого брака одна. И эти развалины будут только моими. И решать, что строить на их месте, буду только я.

Я говорю ему «уходи» из жалости и отчаяния. Но — возможно, впервые — я начинаю говорить это и с крошечной, испуганной надеждой на себя. Потому что пока он здесь, мы оба в аду. А если он уйдет... по крайней мере у одного из нас появится шанс.

Опять эти сообщения. Длинные, полные чувств, боли, каких-то сложных мыслей о свободе и счастье. Я открываю — и меня сразу накрывает волной. Волной чего-то тяжелого, требовательного, от чего сжимается желудок и хочется немедленно это закрыть. Я не дочитываю, потому что не хочу это чувствовать. Твою боль, твоё отчаяние, твои упреки — даже если они скрыты под словами о моей свободе. Каждое слово — это шина, которую я должен поднять, проблема, которую я должен решить. А я не могу. Я не знаю как. И я не хочу нести эту ношу. Мне проще сделать вид, что ее нет.

Я ухожу от неудобной правды, потому что правда требует действий. Если я признаю, что ты права, что

наш брак — это ад, то мне придется что-то ДЕЛАТЬ. А я не умею принимать решения. Я не знаю, с какой стороны подступиться к такой огромной проблеме. Страх перед действием, перед последствиями, перед ошибкой — он парализует меня. Гораздо безопаснее ничего не менять. Я прячу голову в песок, потому что в песке — мой маленький, хрупкий мирок. Футбол, машины, порно. Там все просто. Там есть правила. Там я контролирую ситуацию. Там меня никто не обвиняет в том, что я недостаточно хорош. А твои тексты — это выдергивание меня из этой единственной безопасной зоны в настоящий, жестокий мир, где я — неудачник. Я предпочитаю делать вид, что все нормально, потому что это моя стратегия выживания. Если я буду вести себя так, как будто все в порядке, может, оно таким и станет? Или, по крайней мере, мне не придется сталкиваться с ужасающим признанием: что я потратил годы, живя неправильно, что я причинял боль, что я — причина чьего-то несчастья. Признать это — значит разрушить до основания тот шаткий образ «нормального мужика», который у меня еще остался.

И самое страшное — что ты говоришь о моем счастье. Но я так давно не думал о своем счастье, что просто не верю в него. Для меня «счастье» — это отсутствие проблем, давления, боли. А твои тексты — это и есть боль. Поэтому я бегу от них. Я бегу от разговора о потенциальном счастье, потому что не верю, что оно для меня возможно, и не готов заплатить ту цену — цену признания, конфликта и неопределенности, — чтобы его достичь.